

Неизвестное прошлое

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 1920–1930-х ГОДОВ А.А. ТАЛАНКИН

С.Н. КОРСАКОВ

Институт философии РАН, Москва, Россия

С.И. ДАНИЛОВ

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются слабо изученные страницы истории отечественной психологии. Рассказывается о деятельности Александра Таланкина, военно-политического работника и военного психолога. Он был одним из активных участников дискуссий по военной психологии 1920-х гг., автором монографии по этой тематике. В 1930 г. он занимал крупные должности в руководстве советской психологии и активно проводил линию на разгром оригинальных научных направлений: реактологии, педологии, психоанализа, психотехники. Жертвы идеологических кампаний были репрессированы. В статье выясняются вопросы 1) о жизненном пути А.А. Таланкина, 2) об оценке всей совокупности его психологических работ, 3) о его месте в истории советской психологии. Как военный психолог, А.А. Таланкин выступал против обособления военной психологии. Военную психологию он считал прикладным направлением общей психологии. Показан путь А.А. Таланкина сначала как военного психолога, затем как сторонника реактологии К.Н. Корнилова, и наконец, как борца с «корниловщиной» и главного идеологического трибуна советской психологии. В этой отрицательной роли А.А. Таланкин действовал шумно, но недостаточно жестко, почему и был заменен другими людьми. Сам А.А. Таланкин, несмотря на свою политическую активность, также стал жертвой сталинских репрессий. Привлекаются малоизвестные и забытые литературные источники, архивные материалы.

Ключевые слова: советская психология, А.А. Таланкин, военная психология, К.Н. Корнилов, идеологические кампании, дебординская школа, политические репрессии.

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, руководитель исследовательской группы истории философии советского и постсоветского периода Института философии РАН.

snkorsakov@yandex.ru

Данилов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент Военного университета Министерства обороны РФ.

s.danilov.mail@gmail.com

Цитирование: КОРСАКОВ С.Н., ДАНИЛОВ С.И. (2017) Из истории советской психологии 1920–1930-х гг.: А.А. Таланкин // Философские науки. 2017. № 10. С. 131–150.

Нельзя сказать, чтобы имя А.А. Таланкина было забыто в истории отечественной психологии. Военные психологи вспоминают о нем, когда речь заходит о дискуссиях по военной психологии, шедших в РККА в 1920-е гг. [Дьяченко, Кандыбович, Караяни 2009, 50–52]. А.А. Талан-

кин написал монографию по этой тематике, что тогда было явлением нечастым. Тем не менее остаются недостаточно изученными вопросы 1) о жизненном пути А.А. Таланкина, 2) об оценке всей совокупности его психологических работ, 3) о его месте в истории советской психологии.

Что касается жизненного пути А.А. Таланкина, то совсем недавно в словаре, посвященном репрессированным военачальникам, появилась биографическая справка о нем [Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. 2014, 399–400]. Дополнительные поиски в архивах позволили прояснить некоторые страницы его жизни.

В Красной Армии

Александр Александрович Таланкин родился 10 августа 1898 г. в с. Надеждино Уфимского уезда Уфимской губернии в семье сельского священника. В 1917 г. окончил Уфимскую гимназию. В июле 1917 г. вступил в партию большевиков и был одним из организаторов молодежного коммунистического движения в Башкирии. В декабре 1917 г. А.А. Таланкин был назначен членом коллегии Уфимского губернского отдела народного образования; в апреле 1918 г. — инструктором-лектором губернского штаба боевых ополчений [РГАСПИ, № 1262349]. 26 мая 1918 г. левые молодежные союзы Уфы объединились в Союз рабочей молодежи города Уфы «III Интернационал». А.А. Таланкин был избран членом Центрального правления Союза.

5 июня 1918 г. белочехи и белогвардейцы захватили Уфу. А.А. Таланкин вступает в Красную Армию и воюет на Восточном фронте во 2-й армии: сначала красноармейцем в отряде героя Гражданской войны А.М. Чеверева, с октября 1918 г. он — агитатор-организатор в политуправлении армии. С января 1919 г. А.А. Таланкин служил в 5-й армии Восточного фронта: сотрудником особого отдела, с апреля — политбойцом отряда особого назначения, с июня — лектором политуправления армии, с января 1920 г. зав. культурно-просветительским отделом политотдела запасных частей, в мае 1920 г. лектором армейской партшколы. В боях был ранен.

После службы в мае—октябре 1921 г. в Москве политконсультантом в Политуправлении РККА, А.А. Таланкин был направлен в Приуральский военный округ военкомом 95-х пехотных курсов, а затем, в июне 1922 г. — на Туркестанский фронт зам. начальника политотдела 2-й стрелковой дивизии. С декабря 1922 г. он служил в Туркестане начальником политотдела 2-й, а с февраля 1924 г. — 1-й особых кавалерийских бригад. Принимал участие в борьбе с басмачеством в Фергане и Бухаре. Избирался членом Кокандского, Ферганского, Старо-Бухарского горсоветов, Сурхандарьинского облисполкома.

В октябре 1924 г. А.А. Таланкин был зачислен слушателем Московских курсов высшего политсостава, по окончании которых с августа 1925 г. преподавал в Военно-политической академии РККА им. Толмачева в Ленинграде. С этого времени А.А. Таланкин регулярно выступал в научной печати по вопросам военной психологии [Каплан, Русанов, Таланкин, 1928]. В феврале—октябре 1926 г. вновь строевая служба — начальником

политотдела 15-й Сивашской стрелковой дивизии Украинского военного округа. С ноября 1926 г. А.А. Таланкин преподавал в Военной академии им. Фрунзе.

Что касается психологических воззрений Таланкина в целом, то он критиковал экспериментальную психологию Г.И. Челпанова, рефлексологию В.М. Бехтерева, психоанализ, гештальтизм, бихевиоризм и высказался за реактологию К.Н. Корнилова, которую называл наиболее близким к марксизму течением современной психологии, стоящим на почве диалектического материализма [Таланкин 1927, 167].

Военный психолог

В 1926 г. А.А. Таланкин включился в дискуссию по проблемам военной психологии. В те годы вопросы военной психологии живо обсуждались. Со статьями, а иногда — с монографиями выступали военные психологи Н. Какурин, П. Измestьев, М. Король, А. Васильев, В. Рубцов и др. Преобладали мнения, что военная психология должна развиваться как особая наука, и что в ее развитии нужно основное внимание уделять совершенствованию физиологических качеств бойца.

А.А. Таланкин занял в дискуссии своеобразную позицию. Ее необычность заключалась не в том, что он резко критиковал биологизаторство других авторов, их увлечение западными научными теориями, в частности, психологией толп Г. Лебона. Таланкин предлагал не развивать военную психологию как отдельную науку, а изучать как приложение общей психологии к вопросам поведения военнослужащих. Он писал, к примеру: «Относительно учебников военной психологии можно лишь выразить удовольствие, что в Красной Армии их еще не существует... Все учебники, пока пересказывающие более или менее добросовестно труды по общей психологии, не оригинальны, а стоит им только начать оригинально истолковывать вопросы “военной психологии”, как они угощают» нелепыми открытиями [Таланкин 1926, 125]. Позиция Таланкина была неплохо продумана и аргументирована.

В одной из своих статей Таланкин постарался показать бесперспективность создания военной психологии методами рефлексологии. Он писал, что психофизическая подготовка бойца излишня: формирование необходимых воину качеств произойдет само — как функция военнотехнической, политической и физической подготовки. К бойцу, говорил Таланкин, надо подходить как к социальному существу, а не «ветеринарно» [Таланкин 1927, 168]. Он считал глубоко ошибочной точку зрения, что эмоции в бою сводятся к элементарным биофизическим реакциям. Сложные реакции в процессе боя у бойца преобладают. Целеустремленность бойца — не выдрессированный рефлекс, а сложная интегральная функция всего поведения человека. Поэтому рефлексология, так же как и психоанализ, не годятся в качестве основы военной психологии. Особенно он критиковал «физиологический» уклон в военной психологии ученика академика Павлова Ю.П. Фролова и биологизаторский подход М. Короля [Таланкин 1928].

Специально А.А. Таланкин рассмотрел вопрос о месте психотехники в военной психологии. В отношении претензий психотехники А.А. Таланкин был столь же последователен: сама по себе она не может быть основой военной психологии. Но развитие научной организации труда в военном деле необходимо поощрять, чтобы облегчить доведение до автоматизма выполнение различных сложных действий. Или же, чтобы оказать воздействие на восприятие противника — в целях успешной маскировки. Он даже высказал мысль о полезности такой области психотехники, «совсем не развитой в Красной Армии, как изучение среды, в которой приходится работать человеку, с точки зрения изменения этой среды в интересах рационализации» [Таланкин 1931а, 183]. В те годы еще не было термина «военная эргономика», но имел в виду Таланкин именно ее.

Очень резко высказался Таланкин против абсолютизации тестирования военнослужащих. Тесты диагностируют культурно-образовательный уровень, но между ним и пригодностью к военной службе нет однозначной связи. Кроме того, выбор «правильного» ответа не может быть свидетельством убежденности реципиента в этом ответе. Тесты оправдали себя при изучении профотбора, утомляемости, изменения отдельных психических характеристик (восприятие, интеллект, реакции). Но подменять ими воспитательную работу с личным составом нельзя. Таланкин подробно разбирал различные виды тестов, специально остановившись на таком из них, как тесты-коллизии, и показал, к каким ошибкам может приводить слепое доверие всегда относительным результатам тестирования [Таланкин 1931е, 35–39].

Обобщением взглядов Таланкина стала его монография 1929 г. по военной психологии. Книга, по мысли автора, была призвана подвести итоги дискуссий по военной психологии, шедших в Военной академии им. Фрунзе и в Осоавиахиме в 1927–1928 гг. Военная психология нужна, констатировал Таланкин, но не идеалистическая военная психология царской армии. Психика — законный предмет изучения, несводимый ни к физиологии, ни к нравственности. Несмотря на привлечение богатого и разнообразного отечественного и зарубежного литературного материала по военной психологии, Таланкин последовательно стремился выстроить свою книгу не как разбор специальных военно-психологических проблем, а как применение всего массива общепсихологических знаний к военному делу. Любую реакцию человека следует понимать исходя из поведения в целом. Для правильного понимания состояния бойца нужно учитывать вместе биологические и социальные факторы. Стремиться следует к тому, чтобы достичь сочетания слаженности действий и инициативности бойца, автоматизма и пластичности в бою. К примеру, эмоция страха может подавляться развитым военным профессионализмом, но может и порывом, никак не связанным с военной тренировкой. В вопросах военно-психологической подготовки не должно быть шаблона, оправдываемого ссылкой на «неизменную» человеческую природу. Особое внимание следует уделять динамике совместного и взаимосвязанного действия на психику бойца различных по происхождению факторов: социально-

политических, моральных, военно-технических, материально-бытовых. Он отмечал также чрезвычайно большую динамичность, изменчивость психики индивида в боевой обстановке. Соответственно, для успешной борьбы с эмоцией страха важна деятельность и подвижность в бою. А.А. Таланкин считал, что «политико-моральное состояние части есть новое качество, не сводимое к психике и физиологии отдельного бойца» [Таланкин 1929а, 86]. Психологическая подготовка солдат к бою должна включать стимулирование всего того комплекса реакций и эмоций, которые могут проявиться в боевой обстановке.

3 января 1930 г. в Центральном Доме Красной Армии состоялся библиографический вечер, посвященный разбору книги Таланкина. В докладах и прениях на этом вечере была поддержана мысль Таланкина о неприемлемости как дореволюционной военной психологии, так и ситуации 1920-х гг., когда в военной психологии доминировали те или иные психофизиологические и психотехнические направления.

Известный в те годы военный психолог В.С. Рубцов назвал книгу Таланкина одним из первых серьезных советских трудов по военной психологии. Он призвал покончить с положением, когда психофизиологические и психотехнические методы применяются и понимаются расширительно, а выводы военного психолога обусловлены тем, какого из современных психологических направлений он решил придерживаться [Рубцов 1930а, 48]. В специальной рецензии на книгу Таланкина Рубцов высоко оценил методологическую сторону работы, но отметил, что вопрос о соотношении социально-психологических и физиологических факторов поведения бойца недостаточно проработан автором [Рубцов 1930в, 43–45]. В письме в редакцию, разъясняя свою позицию, Рубцов даже писал, что Таланкин недостаточно социологизирует вопрос и придает излишнее значение военно-техническим и материально-бытовым факторам [Рубцов 1930б, 63]. Отсюда видно, что позиция Таланкина была довольно взвешенной в среде его коллег.

Пропагандист реактологии Корнилова

А.А. Таланкин был зачислен аспирантом Государственного института экспериментальной психологии, или как его еще называли — Корниловского института, по имени основателя и директора К.Н. Корнилова. А.А. Таланкин вступил в Общество психоневрологов-материалистов. Завоевывал известность, не стеснялся выступать, правда, не вполне квалифицированно, с пропагандой реактологических идей К.Н. Корнилова.

В дискуссиях в военной среде А.А. Таланкин чувствовал себя уверенно и выступал по-деловому. К сожалению, уверенность превращалась у него в самоуверенность, доходившую до хлестаковщины, когда он брался за общепсихологические вопросы. Стремление же «играть роль» в психологическом сообществе усиливалось у молодого аспиранта все больше и больше. 18 января 1929 г. Научно-исследовательская секция Осоавиахима провела специальное заседание, посвященное обсуждению доклада А.А. Таланкина «К марксистской постановке проблемы военной психо-

логии». Необычность заседания была в том, что в зале присутствовали многие корифеи тогдашней психологии: А.Б. Залкинд, И.Н. Шпильрейн, Ю.П. Фролов, С.Г. Геллерштейн и др. Доклад Таланкина подвергся уничижающей критике. Ю.П. Фролов говорил, что нападки докладчика на психотехнику бездоказательны, не обоснованы экспериментальными данными. И.Н. Шпильрейн, считавший психотехнику зародышем будущей материалистической теории психологии, высказался очень резко, заявив, что докладчик допускает грубые ошибки, смешивая понятия, не знаком с новой литературой. Особенно интересными были замечания С.Г. Геллерштейна. Он обратил внимание, что когда докладчик переходит от критики к предложениям, а предложения эти суть положения реактологии Корнилова, они «вовсе не анализируются, а только перечисляются, называются». «Самоуверенность тона докладчика, которому “все ясно как апельсин”, пользование готовыми и довольно избитыми схемами, привело к тому, что докладчик ни в чём не смог убедить» [Таланкин 1929б, 83]. Как же отреагировал на это А.А. Таланкин? Ничуть не смутившись, он заявил: «В отсутствии марксистского взгляда повинны все психотехники, которых на докладе оказалось слишком много. Все вопросы в докладе поставлены правильно и являются не только частными положениями докладчика, а утверждены К.Н. Корниловым, и очень жаль, что в зале нет ни его, ни других психологов» [Таланкин 1929б, 83]. Когда положения научной теории внедряются таким вот кавалерийским наскоком, со ссылкой на мнение начальства, которое не подлежит обсуждению, расплачиваться за это потом приходится самой внедряемой теории.

В 1930 г. А.А. Таланкин принял участие в составе институтской делегации в крупнейшем психологическом форуме того времени — Всесоюзном съезде по изучению поведения человека, состоявшемся в Ленинграде. В статье о съезде есть фото делегации от Государственного института экспериментальной психологии, где Таланкин стоит во втором ряду, а в первом сидят К.Н. Корнилов и И.Д. Сапир [Залкинд 1930, 47]. Съезд стал последним смотром успехов всех основных направлений советской психологии 1920-х гг.: реактологии Корнилова и Франкфурта, педологии Залкинда и Моложавого, культурно-исторической психологии Выготского и Лурия, психоанализа Ширвиндта и Сапира, психотехники Шпильрейна и Геллерштейна, рефлексологии Куразова и Ананьева. Философское шефство над работой съезда осуществляли представители школы диалектиков академика А.М. Деборина — И.К. Луппол и Н.А. Карев. На съезде Таланкин участвовал в работе военной секции. По итогам съезда Таланкин выступил со статьей в «Красной звезде», где писал, что полезно соединение военно-научной мысли и психологии для правильного понимания поведения бойца [Таланкин 1930].

А.А. Таланкин пока на общественных началах принимал участие в работе Коммунистической академии, а именно — ее Психотехнической секции. 21 ноября 1930 г. он выступал в прениях по докладу Л.С. Выготского «Психотехника и педология». Докладчик рассматривал вопрос о соотношении этих двух смежных наук. Но вместо того, чтобы разложить по пунктам

отличия, он, с присущей гению нестандартностью, говорил, напротив, о необходимости сосредоточиться на аспектах, связанных с целостностью протекания развития в онтогенезе, о том, что мы сегодня называем междисциплинарным подходом, а Выготский тогда назвал «переплётом различных дисциплин» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 24, л. 13].

Заседание проходило в самый разгар разгрома советской философии в лице деборинской школы и коллектива Института философии. А.А. Таланкин в своем выступлении воспроизвел все апробированные в «Правде» и «Большевике» штампы про «партийность» и «ленинский этап», а затем высказал свою точку зрения на положение дел в психологии. Он не смущался маститых психологов, прославившихся в 1920-е гг., зная, что их положение теперь шаткое. А.А. Таланкин также не стал вдаваться в детали соотношения психологических направлений и дисциплин, но совершенно по иным мотивам. Суть позиции А.А. Таланкина — в принципиальном отрицании положения дел в психологии 1920-х гг. Вместо нескольких самостоятельно развивающихся направлений-дисциплин, находящихся друг с другом в конкурентной борьбе за доминирование в психологии, А.А. Таланкин предлагал иную модель: фундаментальная общая психология и вокруг нее на положении сателлитов прикладные дисциплины. Главная наука — психология, и ее ничем не надо подменять, говорил Таланкин. Существующее положение дел он назвал «сумбуром», отметил попытки педологии поглотить ряд других дисциплин, отсутствие у педологии собственного метода. Проблемы целостности, по мнению Таланкина, должны решаться на уровне общей психологии, а не на уровне отдельных дисциплин. Категории развития работают во всех дисциплинах. Психология является основополагающей по отношению ко всем психоневрологическим наукам. Между прочим, крайне характерно, что заполняя документы в графе о своей научной специальности Таланкин писал: «общая и военная психология».

В отличие от проработчиков от философии, вроде Митина и Юдина, Таланкин в психологии не просто повторял дежурный набор идеологических заклинаний с тем, чтобы убрать из науки корифеев 1920-х гг. Он действительно предлагал иное видение развития психологии. Модель, обозначенная Таланкиным, победила позже, в 1940—1950-е гг. Реализовать эту модель, конечно, не могли люди, подобные Таланкину. Для этого понадобились ученые масштаба С.Л. Рубинштейна. Но направление он выбрал соответствующее вектору времени. Трудно судить, какая модель развития психологической науки предпочтительнее. Соревновательная модель направлений-дисциплин при слабо выраженной общей психологии более эвристична, модель, укрепившаяся в послевоенный период — более фундаментальна.

Борец с «корниловщиной»

Государственный институт экспериментальной психологии не стал исключением и тоже попал в 1930 г. под смерч проработок. Как в философии разоблачали директора Института философии Деборина, обви-

няли его и его коллег в «деборинщине», а потом в меньшевистствующем идеализме, так в психологии объектом нападок стал Корнилов. Молодой аспирант Таланкин в ноябре 1930 г. активно способствовал «реорганизации» Государственного института экспериментальной психологии и смещению директора К.Н. Корнилова. Он, не задумываясь, выступил против своего учителя, мгновенно поменяв позиции на 180 градусов. Удивляться тут нечему, если вспомнить, какой способ «аргументации» он продемонстрировал, когда еще защищал реактологию Корнилова на заседании секции Осоавиахима в 1929 г.

На психологической дискуссии в Институте 22 декабря 1930 г. именно Таланкин выступил с главным «разоблачительным» докладом против Корнилова. Теперь он говорил, что реактология Корнилова незаслуженно приобрела репутацию «марксистской психологии». Корнилов, по словам Таланкина, играл известную положительную роль в 1923—1927 гг., когда боролся с Челпановым, но даже и тогда его реактология не находилась на позициях диалектического материализма. Виноватого в сем ложном положении Таланкин нашел сразу. Как проработчик, Таланкин был явно талантливее, чем как ученый. Ложная репутация Корнилова как марксиста сложилась по вине ныне разоблаченного философского руководства во главе с Дебориным, которое помешало статьи Корнилова в журнале «Под знаменем марксизма». Приличия ради Таланкин извинился за дифирамбы Корнилову в своих собственных ранних статьях, но деликатно умолчал о том, с каким рвением он до самого последнего времени внедрял корниловское учение. Теперь же приговор Таланкина был таков: вся система взглядов К.Н. Корнилова и его ближайших сотрудников — «реактологическое извращение марксизма в психологии» [Таланкин 1931б, 27]. Поскольку «корниловщина» оказалась целой системой ошибок, Таланкин принялся их старательно перечислять. Следовать за ним по этому пути во всех подробностях совершенно излишне. Только назовем некоторые пункты обвинительного заключения. Корнилов оказался виноват в том, что заявлял: 1) для диалектического материализма психофизическая проблема существует только в снятом виде, 2) соблюдение закона сохранения психической энергии неприменимо к творческой деятельности человека, 3) нарушение равновесия между индивидом и средой в результате активной реакции индивида не может быть исчерпывающе описано в понятиях «зеркального отражения». Пунктов обвинения было гораздо больше. Но и по названным пунктам видно, что даже в «кривом зеркале» талантинского инквизиционного акта философско-психологические идеи Корнилова выглядят интереснее и глубже, чем дешевая идеологическая похлебка проработчика.

Общей особенностью идеологических кампаний начала 1930-х гг. было то, что крупные ученые-марксисты, от чьих фамилий были образованы унижительные «...щины» («деборинщина», «рубинщина», «переверзевщина»), были «парализованы» травлей и молчали. Корнилов составил здесь удивительное исключение. Он выступил в печати с ответом Таланкину. Опять же нет необходимости подробно комментировать статью Корни-

лова. Он методично, последовательно разобрал все пункты обвинения Таланкина, и по каждому пункту продемонстрировал незнакомство Таланкина с классической философской и психологической литературой, отсутствие у него знаний в области психологического экспериментирования, путаницу понятий, исключительную претенциозность, опрометчивый и легковесный тон изложения. «Да! Чего, в самом деле, стесняться? — писал Корнилов по поводу очередного пассажа Таланкина. — Психологи работали над изучением реакций лет, так, 70, — чего там разбираться во всех этих исследованиях какого-то времени, интенсивности и т.п.; самое простое — “сразу же взять под подозрение”, и кончено дело. Так доцент Таланкин и делает: вместо того, чтобы обосновывать свои утверждения крепкой аргументацией, он везде, как мы видели, делает только одно — “сразу же берет под подозрение” и только» [Корнилов 1931, 72].

Аргументация Корнилова была выстроена настолько убедительно, что Таланкин был вынужден опубликовать «Письмо в редакцию», в котором он снимал часть своих обвинений [Таланкин 1931д, 160]. Редакции журнала «Психология», чтобы ослабить впечатление от статьи Корнилова, пришлось поместить после нее постскрипtum, в котором голословно утверждалось, что «Корнилов продолжает отстаивать свои ошибки», а «основную линию статьи т. Таланкина» редакция «считает правильной» [Корнилов 1931, 76].

Общее собрание ячейки ВКП(б) реорганизованного Государственного института психологии, педологии и психотехники постановило 6 июня 1931 г., что «бывшее руководство в области психологии тесно смыкалось и руководилось Дебориным и его группой с характерным для меньшевистствующего идеализма формализмом и отрывом теории от практики». В результате «грубый механицизм К.Н. Корнилова, перерастающий в идеализм, выдавался за марксистскую теорию» [Итоги 1931а, 54]. Надо отдать должное виртуозам пера сталинских времен! «Механицизм, переходящий в идеализм» стоит «право-левацкого уклона». Досталось в постановлении и Шпильрейну, и Выготскому с Лурией, и Франкфурту, Залкинду, Сапиру. Причем все основные пункты обвинения корниловской реактологии в постановлении были кратким изложением таланкинского доклада. Особо было отмечено, что Корнилов «отказался признать какие-либо ошибки» [Итоги 1931а, 57]. В постановлении было решено сконцентрировать работу по перестройке психологии в Комакадемии и нацелить на «решительный поворот» журнал «Психология».

Директором Института был назначен А.Б. Залкинд. Но он сам был теперь одним из прорабатываемых: за Поведенческий съезд, за увлечение психоанализом, а вскоре — и за педологию. Залкинду приходилось теперь не столько указывать пути развития советской психологии, сколько оправдываться от идеологических обвинений. Но место «главного идеолога» психологической науки не может пустовать. Нужен человек, который выступает с основными докладами, дает установки всему научному сообществу, определяет меру идеологической виновности каждого. В новом Институте А.А. Таланкин стал зав. сектором кадров, т.е. решал, кого оставить на работе, а кого уволить за «корниловщину». Это уже было

знаком большого доверия. Вскоре на короткое время он фактически стал первым лицом советской психологии.

«Калиф на час» советской психологии

1931 год — год стремительного карьерного взлета А.А. Таланкина, превратившегося из рядового аспиранта в идеологического куратора советской психологии. Причины подобных изменений обычно не фиксируются на бумаге. Поэтому рискуем выдвинуть обоснованное предположение. Осенью 1930 г. была окончательно разгромлена деборинская школа в философии. Практически сразу после этого смерч увольнений и разоблачений прошелся по философии естествознания, исторической науке. Наибольшую активность в разоблачениях проявляли М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, Ф.В. Константинов. Но эти будущие академики тогда были совсем молодыми и малоизвестными людьми. Дирижировал заказанной Сталиным идеологической кампанией по разгрому диалектического марксизма Э.Я. Кольман. В 1930 г. он именно для этого занял ключевые посты в Агитпропе ЦК и в Президиуме Комакадемии. Надо учесть и то обстоятельство, что по представлениям 1920—1950-х гг. психология относилась не к гуманитарным, а к естественным наукам. В 1931 г. Кольман заменил О.Ю. Шмидта во главе Ассоциации институтов естествознания Комакадемии: Шмидт был обвинен в потворстве деборинцам. На тот момент позиции деборинцев в психологии были очень сильны. Часть из них выступала одновременно и в качестве философов, и в качестве психологов. Но среди психологов не нашлось ни активистов-проработчиков, вроде Митина, ни предателей-перебежчиков, вроде физика-философа А.А. Максимова. Психология с точки зрения Кольмана и его главного заказчика Сталина оказалась «отсталым фронтом». Срочно нужен был человек, который бы взял на себя роль трибуна-проработчика. Слабовольный, тщеславный, претенциозный и легкомысленный Таланкин оказался сущей находкой для Кольмана. И Таланкин «продал душу дьяволу» взамен должностей и известности.

1 января 1931 г. Таланкин, числясь «на действительной военной службе в резерве начсостава РККА», оставил свою работу в Военной академии им. Фрунзе и перешел под крыло Кольмана в Комакадемию.

6 января он уже заполнял необходимые документы [АРАН. Фонд. 350. Опись 3. Дело 316]. Символично, что приказ о назначении его старшим научным сотрудником и секретарем Военной секции Комакадемии вышел 25 января 1931 г. — в день принятия сталинского Постановления ЦК о разгроме «меньшевиствующего идеализма». В Комакадемии Таланкин сразу занял штатную должность сотрудника — а в этом учреждении штатных и внештатных сотрудников было примерно поровну. При этом он сохранил за собой по совместительству заведование сектором кадров в Институте психологии и был введен в редколлегия журнала «Психология». Его разоблачительные публикации были специально отмечены в обзоре журнала «Психология» за 1931 г. [Гершенович, Размыс-

лов, Шемякин 1932, 70, 73]. Но это было только началом его карьерного роста.

В мае 1931 г. в СССР прошел Всесоюзный психотехнический съезд. Таланкин выступил на съезде с докладом «Принципы психофизиологической работы в РККА». В сентябре 1931 г. благодаря авторитету И.Н. Шпильрейна в Москве состоялась 7-я Международная психотехническая конференция. Событие международного уровня тщательно контролировалось Кольманом и Таланкиным. Оба выступали на конференции. Кольман и Таланкин объясняли иностранным делегатам, что психотехника классовая и партийная [О 7-й Международной 1931].

«Большевизация» психологии в Москве хоть и шла, но вяло. Кольман решил направить Таланкина с инспекционной поездкой на Украину, чтобы там подтянуть ситуацию. По договоренности между Ассоциацией институтов естествознания при Комакадемии и Ассоциацией институтов естествознания при ВУАМЛИН (Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научных учреждений) 12–13 июня 1931 г. в Харькове было созвано специальное заседание для заслушивания доклада Таланкина — представителя Центра. Таланкин рассказал украинским психологам о «разоблачении» Корнилова и его школы, «которая пользовалась официальным признанием со стороны дебординского философского руководства» [Таланкин 1931г, 8]. Досталось в докладе Таланкина всем: и бехтеревцам, и Куразову, и Франкфурту, и Шпильрейну. Только о группе Выготского и Лурия к обычной идеологической ругани Таланкин добавил, что она «несомненно талантлива» [Таланкин 1931г, 15]. Немудрено, что после произведенного погрома Таланкин вдруг обнаружил, что «ряд психологов потерял предмет психологии» [Таланкин 1931г, 19]. К предмету психологии докладчик отнес психические процессы, и материальный субстрат и материальную трудовую деятельность человека.

Выступавшие в прениях украинские психологи проявили осторожность, предложив разграничить реактологию Корнилова и экспериментальные работы по изучению психологических реакций человека: чтобы борьба с первой не раздавила вторую. Говоря о новом понимании предмета психологии, провозглашенном Таланкиным, П.Я. Гальперин, работавший тогда в Харькове, расценил его как, в известном смысле, возвращение ко временам Челпанова, но с акцентом на изучение предметного содержания психики. Все это привело Таланкина к неожиданным откровениям в заключительном слове: «Вы думаете, что я в какой бы то ни было мере удовлетворен тем, что я говорил о предмете психологии? Я сам могу привести очень большое количество возражений против того определения психологии, которое я дал. И мы, работая коллективно (по таким вопросам мы в большинстве случаев работаем коллективно), согласились с тем, что на сегодня приходится давать это определение, потому что у нас получилась такая картина, что целый ряд работников просто не знает, с какой стороны подступиться к психологии...» [Таланкин 1931, 51]. Вот так Таланкин, с позволения сказать, «разъяснял» «новую линию» в психологии.

Попрактиковавшись в Харькове, А.А. Таланкин решил выступить с разоблачением «меньшевистствующего идеализма» в психологии уже в Коммунистической академии в Москве. На заседании Общества психоневрологов-материалистов и психолого-психотехнической секции Государственного института психологии, педологии и психотехники 26 октября 1931 г. он сделал доклад «Марксистская психология меньшевистствующего идеализма». Странность этого названия докладчик пояснил вполне убедительно. Кого критиковали раньше: бывших буржуазных ученых, спецов, пришедших к марксизму или «попутчиков», вроде Бехтерева и Корнилова. Теперь же идет критика собственно марксистов. Деборинцы — марксисты. Но тем они и опаснее — по логике сталинских идеологических кампаний. Это — враг внутренний. А.А. Таланкин прямо заявил, что он выступает «в духе статьи, которая была написана т. Кольманом на основании итогов психотехнического съезда» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59, л. 3].

Начал Таланкин с утверждения, что борьба с деборинцами в психологии отстает от того, что уже сделано на этом «фронте» в философии и в естествознании. Там деборинцы сняты с руководящих постов, уволены из научных учреждений. В психологии все это еще предстоит сделать, потому что до сих пор занимались критикой «корниловщины». Таланкин методично прошелся по «идеологическим ошибкам» «меньшевистствующих идеалистов» Ю.В. Франкфурта, И.Ф. Куразова, И.Д. Сапира, Б.А. Фингерта, М.Л. Ширвиндта. «Это же ведь гегельянщина, самая нехорошая, скверная гегельянщина» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59, л. 25], — восклицал Таланкин в отношении деборинцев, которые действительно были школой гегельянского марксизма, и иначе марксизм не мыслили. О лидере психотехники И.Н. Шпильрейне Таланкин сказал, что тот не меньшевистствующий, а просто — идеалист, который «пытался сочетать заграничных идеалистов, в том числе идеалиста Штерна, с Марксом» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59, л. 8]. Так Таланкин прошелся по адресу основоположника дифференциальной психологии У. Штерна. Таланкин осудил Поведенческий съезд 1930 г., назвав его «бедламом», в котором каждое из психологических направлений претендовало на признание. Раздражение Таланкина вызвал сборник статей Л.С. Выготского, С.Г. Геллерштейна, Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта «Основные направления современной психологии» — за вывод, сделанный авторами, что марксистская психология ещё только должна сложиться как синтез достижений всех основных школ мировой психологии. По Таланкину это — эклектика, отсутствие партийной линии. Помимо идеологической ругани, А.А. Таланкин вновь высказал свою основную идею о построении психологии: для всех психологических дисциплин общая психология должна иметь руководящее значение как методологическая дисциплина.

Доклад А.А. Таланкина не встретил сочувствия аудитории, среди которой пока еще, преобладали сторонники тех, кого он «разоблачал». Вел заседание директор Института высшей нервной деятельности

И.Д. Сапир — один из главных представителей философской школы Деборина в психологии. Разумеется, Сапир не мог открыто защищать прежние позиции, но он стремился максимально ослабить удар идеологической «нагайки». Он, как было положено в таких случаях, осудил себя за «прежние ошибки». Но уже одно то, как он это делал, показывало, что всерьез он разгромные речи Таланкина и ему подобных не принимает. Сапир каялся за то, что «не проявил партийной бдительности» к взглядам Фрейда, Кречмера, гештальтистов, потому что «увлекся у них отдельными талантливыми положениями» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59, л. 57]. Ни один проработчик-сталинист не сказал бы так. Сапир старался максимально ослабить критику Таланкина в адрес своих коллег-деборинцев Франкфурта и Куразова, говорил, что критика эта «недостаточно конкретна», что ошибки — в прошлом, а нужна позитивная работа, что «тов. Таланкин обещает наметить некоторый положительный выход для развития марксистской психологии, но, по существу дела не наметил этот выход» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59, л. 62]. В этом, и правда, было все существо дела. Для марксистской психологии Сапира, Франкфурта, Куразова и др. на тот момент никакого выхода, кроме репрессий и гибели уже не было, но осознать это они не были в состоянии. Все названные психологи вскоре были репрессированы, а их научные направления идеологически осуждены.

Свой харьковский доклад Таланкин опубликовал отдельной брошюрой [Таланкин 1931в]. В итоге все несообразности «новой линии» в психологии вылезли наружу. Сразу же нашлись бдительные коллеги, которые уже самого Таланкина принялись разоблачать «за нечеткость в вопросах психологии». Сотрудник Государственного института психологии, педологии и психотехники К. Ансон в рецензии на брошюру Таланкина усмотрел в ней «грубые политические ошибки и методологические вывихи» [Ансон 1931, 149]. Таланкину досталось за то, что он не всю западную психологию признал «загнивающей», и за «либеральное отношение к критике культурно-исторической психологии Выготского — Лурия» [Ансон 1931, 150, 151–152]. Борец за марксистскую психологию, как вдруг выяснилось, сам «извращает учение Маркса и Энгельса» [Ансон 1931, 151]. Таланкин вряд ли ожидал такой «награды» за своё усердие. Но рецензия Ансона появилась не случайно. За вычетом обычного интриганства, в ней был свой смысл. Таланкин оказался слишком легковесной и сумбурной фигурой для роли идеологического куратора психологии. Отсюда обвинения Таланкина, что он «ограничивается формальными намеками, допускающими различные толкования», «небрежно и марксистски невыдержанно прокладывает новые пути психологии», «смазывает достигнутые уже успехи в повороте, в котором сам автор принимал активное участие». «Таким путем мы на твердую базу марксизма-ленинизма не станем», — делал вывод рецензент брошюры Таланкина [Ансон 1931, 152].

А.А. Таланкин попытался реабилитироваться, продемонстрировать политическую заостренность. Он напечатал новую разоблачительную статью в журнале «Психология». Новым в проработочном лексиконе

Таланкина стали постоянные ссылки на Сталина и подведение порицаемых психологов под политическое обвинение в «троцкизме»: «ведь никто иной, как Троцкий обосновывал идею объединения учений Фрейда и Павлова как основы психологии» [Таланкин 1932, 39]. Надо учитывать, что в политическом лексиконе тех десятилетий троцкизм трактовался широко вплоть до бессодержательности понятия. Сохранялась лишь негативная эмоциональная окраска. Преступление сие было столь ужасным, что не подлежало рациональному объяснению. Таланкин эпически рассказывал в новой статье о том, как в результате потери «большевистской бдительности» деборинская группа не дала отпора троцкистской методологии, и на психологическом фронте принялись «хозяйничать буржуазные теории», вместо разоблачения которых Деборин «утверждал синтез объективизма и субъективизма» [Таланкин 1932, 40]. Далее в статье Таланкина полностью осуждался Поведенческий съезд 1930 г., который не стал «съездом борьбы за партийность в науке» [Таланкин 1932, 41]. На съезде вместо критики школ Павлова, Бехтерева, Корнилова и др. деборинцы говорили лишь о «специфической ограниченности каждой школы» [Таланкин 1932, 41]. Таланкин извлек уроки из рецензии на свою брошюру и постарался исправиться. Он написал, что «все психологические, рефлексологические, нейрофизиологические концепции поведения человека очень опасны и ведут обычно к политически вредным выводам», а буржуазная психология «загнивает», потому что она буржуазная [Таланкин 1932, 50, 60]. Закончил статью Таланкин вновь ссылками на Сталина. Но статья эта запоздала.

На научно-педагогической работе в Ленинграде

Таланкин оказался «калифом на час» в руководстве советской психологией. В 1932 г. его позиции существенно ослабили. В Государственном институте психологии, педологии и психотехники нашлись более квалифицированные проработчики, вроде В.Н. Колбановского или П.И. Размыслова. В 1932 г. А.А. Таланкин был переведен в Ленинград и назначен заведующим сектором психологии Государственного института по изучению мозга им. Бехтерева.

Под началом А.А. Таланкина теперь работал будущий академик Б.Г. Ананьев. Когда-то Таланкин честил Ананьева в числе других рефлексологов [Таланкин 1931г, С. 9]. В свое время Ананьев участвовал в Поведенческом съезде 1930 г. [Залкинд 1930, 48] и приветствовал его итоги [Ананьев 1930, 12–18]. Но когда журнал «Психология» назвал Поведенческий съезд «маскировкой старого нутра эклектической рефлексологии», а статьи самого Ананьева — «вреднейшей тенденцией» и «ананьевской схоластикой» [Могендович 1931, 105, 107], тот быстро сориентировался, поняв, как следует себя вести в сталинских идеологических кампаниях. Ананьев не оправдывался, и, тем более, не защищался, как многие другие. Он изо всех сил стал каяться за то, что не присоединился вовремя к «т.т. Таланкину, Т. Коган, Ансону и др.» [Ананьев 1931, 331], расхваливал их статью «Марксистско-ленинское перевооружение психологии» в газете

«За коммунистическое просвещение» [Ананьев 1931, 328]. В результате редакция журнала «Психология» «с удовлетворением отметила перелом в методологических позициях одного из представителей рефлексологии» [Ананьев 1931, 332]. Понятно желание некоторых авторов представить дело так, что главное в статье Ананьева «не критика, а очерк программы психологической науки в советской стране» [Логинова 2016, 14]. На самом деле главным было стремление не опоздать попасть в ряды тех, кто прорабатывает [Ананьев, Варшавская, Кашкадамов, Серебренников, Шнирман 1931, 39–46]. Только так можно было тогда выжить и сохранить свое благополучие. Теперь, в Бехтеревском институте, Таланкин и Ананьев сработались. В 1934 г. Ананьев напечатал статью в сборнике под редакцией Таланкина [Таланкин 1934]. В 1935 г. под редакцией Таланкина в «Трудах» Бехтеревского института вышла монография Ананьева [Ананьев Б.Г., Сергеев Л.И. 1935].

По всему видно, что Таланкин умел ценить способных сотрудников, и был энергичным и контактным руководителем. В предисловии к сборнику статей своего сектора он с гордостью рассказывал об исследовательской работе, проведенной рефлексологами в 1932 г. на базе 154-й школы Выборгского района г. Ленинграда, об организации политехнического кабинета. В 1933–1934 гг. были созданы лаборатории при 7-й школе ФЗД (фабрично-заводская десятилетка) того же Выборгского района и при 1-й опытной школе им. Эпштейна (М.С. Эпштейн – впоследствии расстрелянный зам наркома просвещения РСФСР) [Таланкин 1934, 3–9]. Сам А.А. Таланкин принял участие в исследовании мышления подростков, занятых конструкторско-изобретательской деятельностью [Прудников, Ривин, Таланкин 1934, 125–158].

В Ленинграде А.А. Таланкин служил с марта 1932 г. также на кафедре диалектического материализма Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева: преподавателем, с июля 1934 г. – старшим преподавателем, с июля 1936 г. после ареста Г.С. Тымянского исполнял обязанности заведующего кафедрой. Он подготовил методические пособия по курсам диалектического материализма и исторического материализма, выпустил брошюру «Материя и движение» [Таланкин 1936]. 23 октября 1935 г. на совместном заседании Президиума Комакадемии и Президиума Ленинградского отделения Комакадемии ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень кандидата философских наук [Загребаяева, Козлов, Савина 2009, 283–284]. В 1936 г. ему присвоили ученое звание профессора. 10 мая 1936 г. А.А. Таланкину было присвоено воинское звание бригадного комиссара.

Арест и гибель

Генеральское звание, видимо, только приблизило трагическую развязку. «Договор с дьяволом» не спас, а, быть может, такой конец в нем был прописан. А может в иерархии демонов партийные стояли рангом ниже чекистских. 7 марта 1937 г. Таланкин был уволен из Военно-политической академии «по политическому недоверию» [Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.

2014, 400]. Надо сказать, что в то время Военно-политическая академия была на редкость гиблым местом. В ней процветали люди, негласно уполномоченные органами, сообщать куда следует. Их жертвой пал известный философ-деборинец Г.С. Тымянский. Сменивший его Таланкин недолго пробыл в должности зав. кафедрой. Рой и Жорес Медведевы рассказывают о трагической судьбе преподавателя этой кафедры, их отца полкового комиссара А.Р. Медведева. Известные историки называют и тех, на чьей это было совести: Б.А. Чагина и Б.И. Пручанского [Медведев Р.А. 1990, 28; Медведев Ж.А., Медведев Р.А. 2004]. Два этих философа прожили долгую жизнь и умерли в своей постели. Прочие же философы из Военно-политической академии погибли в годы репрессий.

В ночь с 4 на 5 июня 1937 г. А.А. Таланкин был арестован. Ему сразу же предъявили расстрельную статью: «участие в контрреволюционной троцкистской террористической организации» (если слова «террористическая» не было, оставался шанс выжить). С.Е. Лазарев сообщает, что вместе с Таланкиным был арестован преподаватель той же кафедры батальонный комиссар В.И. Капустин [Лазарев 2013, 146]. Василий Иванович Капустин (1901–1937) известен историкам советской психологии как один из ответственных редакторов книги «В борьбе за марксистско-ленинскую педологию», где «пересматривались» положения концепции М.Я. Басова, а сам ученый посмертно прорабатывался. Иначе говоря, Капустин выступил по отношению к Басову в той же роли, что и Таланкин в отношении Корнилова. Но прошлые «заслуги» в расчет не принимались. Обоих обвинили в участии в «военном заговоре», в подготовке свержения Советской власти.

31 августа 1937 г. А.А. Таланкин Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян [УФСБ П-26391]. Двадцать лет спустя 8 октября 1957 г. та же Военная коллегия реабилитировала А.А. Таланкина посмертно.

Судьба Александра Александровича Таланкина – важный и малоизвестный аспект истории советской психологии 1920–1930-х гг. Он был думающим, хотя и зачастую поверхностным исследователем, высказавшим в своих работах ряд ценных замечаний по вопросам военной психологии. Он был хорошим организатором творческой работы коллег-психологов. В роли лидера советской психологии он оказался легковесным позером и слабым человеком, не знающим, куда вести людей за собой. И он на примере своей жизни продемонстрировал, сколь неблагодарна бывает роль официально назначенного проработчика.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ананьев 1930 – *Ананьев Б.Г.* К проблеме основания поведения человека // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. Вып. 1–2. С. 12–18.

Ананьев 1931 – *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. 4. № 3–4. С. 325–332.

Ананьев, Варшавская, Кашкадамов, Серебренников, Шнирман 1932 – *Ананьев Б.Г., Варшавская О.Н., Кашкадамов В.П., Серебренников А.П., Шнирман А.Л.* Против вульгарщины и эклектизма в учебно-педагогической литературе // На фронте коммунистического просвещения. 1931. № 8. С. 39–46.

Ананьев, Сергеев, 1935 – *Ананьев Б.Г., Сергеев Л.И.* Психология педагогической оценки / под ред. А.А. Таланкина. Труды Государственного института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева. Т. 4. – Л.: Институт мозга, 1935.

Ансон 1932 – *Ансон К.* За четкость в вопросах психологии: Рец. на кн.: Таланкин А. О повороте на психологическом фронте. – М., 1931. 32 с. // За марксистско-ленинское естествознание. 1932. № 1. С. 149–152.

АРАН Фонд. 350. Опись 3. Дело 316 – Архив РАН. Фонд. 350. Опись 3. Дело 316.

АРАНа Фонд. 351. Опись 2. Дело 24 – Архив РАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 24.

АРАНб Фонд. 351. Опись 2. Дело 59 – Архив РАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59.

В борьбе 1932 – В борьбе за марксистско-ленинскую педологию. Дискуссия по работам проф. М.Я. Басова 25–29 марта 1931 / сб. под ред. В.И. Капустина и М.А. Левиной. – М.; Л.: Учпедгиз, 1932.

Гершионович, Размыслов, Шемякин 1932 – *Гершионович Л., Размыслов А., Шемякин Ф.* О журнале «Психология» за 1931 г. // Психология. 1932. № 3. С. 70–73.

Дьяченко, Кандыбович, Караяни 2009 – *Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л., Караяни А.Г.* История отечественной военной психологии: Учебник / под ред. проф. Л.А. Кандыбовича. – М.: Военный университет, 2009.

Загребяева, Козлов, Савина 2009 – *Загребяева В.Н., Козлов Б.И., Савина Г.А.* Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918–1936). Вып. 2. – М.: Архив РАН, 2009.

Залкинд 1930 – Залкинд А.Б. Науку о поведении человека на службу социалистической реконструкции // Человек и природа. 1930. № 4. С. 47–49.

Итоги 1931а – Итоги дискуссии по реактологической психологии // Советская психоневрология. 1931. № 2–3. С. 53–59.

Итоги 1931б – Итоги дискуссии по реактологической психологии // Психология. 1931. Т. 4. № 1. С. 1–9.

Каплан, Русанов, Таланкин 1928 – *Каплан И.Г., Русанов Н.А., Таланкин А.А.* Методика решения задач по политическому обеспечению боевой деятельности войск. – М.: Военная академия Красной Армии им. Фрунзе, 1928. 61 с.

Корнилов 1931 – *Корнилов К.Н.* К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44–75.

Лазарев 2013 – *Лазарев С.Е.* Военно-политическая академия в 1930-е годы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 8 (151). Вып. 26. С. 140–149.

Логинова 2016 – *Логинова Н.А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. – М.: Институт психологии РАН, 2016.

Медведев Ж.А., Медведев Р.А. 2004 – *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Из воспоминаний. – М.: ЛитМир, 2004.

Медведев 1990 – *Медведев Р.А.* Политические портреты: Очерки и статьи. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1990. 254 с.

Могендович 1931 – *Могендович М.Р.* Последний этап школы Бехтерева // Психология. 1931. Т. 4. № 1. С. 101–108.

О 7-й Международной 1931 – О 7-й Международной психотехнической конференции // Известия. 1931. 13 сентября.

Прудников, Ривин, Таланкин 1934 – *Прудников Н.Г., Ривин Я.С., Таланкин А.А.* Конструктивно-техническое мышление подростков-изобретателей // Общий и технический кругозор учащегося средней школы / под. ред. А.А. Таланкина. – Л.: Институт мозга, 1934. С. 125–158.

РГАСПИ № 1262349 – Российский государственный архив социально-политической истории. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 1262349 (образца 1936 г.).

Рубцов 1930а – *Рубцов В.С.* Марксистская психология и пути ее использования в боевой подготовке и политработе Красной армии // *Война и революция.* 1930. № 2.

Рубцов 1930б – *Рубцов В.С.* Письмо в редакцию // *Трибуна толмачевца.* 1930. № 2. С. 63.

Рубцов 1930в – *Рубцов В.С.* Рец. на кн.: Таланкин А.А. Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.: Госиздат, 1929. 140 с. // *Трибуна толмачевца.* 1930. № 1. С. 43–45.

Таланкин 1929а – *Таланкин А.А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.: Госиздат, 1929.

Таланкин 1928 – *Таланкин А.А.* Военно-политическое образование // *Красная звезда.* 1928. 1 февраля.

Таланкин 1931а – *Таланкин А.А.* За марксистско-ленинскую психотехнику в РККА // *Записки Секции по изучению проблем войны Коммунистической академии.* 1931. Т. 4. С. 180–199.

Таланкин 1930 – *Таланкин А.А.* Итоги поведенческого съезда и Красная Армия // *Красная звезда.* 1930. 13 февраля.

Таланкин 1927 – *Таланкин А.А.* К вопросу о «военной рефлексологии» // *Война и революция.* 1927. № 12. С. 165–177.

Таланкин 1929б – *Таланкин А.А.* К марксистской постановке проблемы военной психологии // *Психотехника и психофизиология труда.* 1929. № 1. С. 81–83.

Таланкин 1936 – *Таланкин А.А.* Материя и движение. – Л.: Военно-политическая академия. 1936.

Таланкин 1931б – *Таланкин А.А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // *Психология.* 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24–43.

Таланкин 1931в – *Таланкин А.А.* О повороте на психологическом фронте. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1931.

Таланкин 1931г – *Таланкин А.А.* О повороте на психологическом фронте: Доклад и обсуждение // *Советская психоневрология.* 1931. № 2–3. С. 7–52.

Таланкин 1931д – *Таланкин А.А.* Письмо в редакцию // *Психология.* 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 160.

Таланкин 1934 – *Таланкин А.А.* Предисловие // *Общий и технический кругозор учащегося средней школы / под ред. А.А. Таланкина.* – Л.: Институт мозга. 1934. С. 3–9.

Таланкин 1926 – *Таланкин А.А.* Проблема «военной психологии» в нашей военной литературе // *Толмачевец.* 1926. № 1. С. 115–125.

Таланкин 1932 – *Таланкин А.А.* Против меньшевистствующего идеализма в психологии // *Психология.* 1932. № 1. С. 38–62.

Таланкин 1931е – *Таланкин А.А.* Против тестов на изучение идеологии бойцов РККА // *Военно-санитарное дело.* 1931. № 5–6. С. 35–39.

УФСБ П-26391 – Управление ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело П-26391.

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. 2014 – *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937–1941. Комбриги и им равные. – М.: Кучково поле, 2014.

THE HISTORY OF THE SOVIET PSYCHOLOGY
OF THE 1920-1930s: A. A. TALANKIN

S.N. KORSAKOV,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

S.I. DANILOV,

*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Summary

The article considers poorly studied pages of history of Russian psychology. It describes the activities of Alexander Talankin, military-political worker and military psychologist. He was an active participant in discussions on military psychology of the 1920s, the author of a monograph on the subject. In 1930, he held major positions in the leadership of Soviet psychology and actively pursue a policy of defeat of original scientific directions: reactology, pedology, psychoanalysis, psycho-techniques. Victims of ideological campaigns were repressed. The article investigates the questions: 1) about the life of A.A. Talankin, 2) on the assessment of the totality of his psychological studies, 3) its place in the history of Soviet psychology. As a military psychologist A.A. Talankin opposed the separation of military psychology. The psychology of war, he believed the application direction of General psychology. The article shows the way of A.A. Talankin, first as a military psychologist, then as a supporter of K.N. Kornilov's reactology, and finally, as a fighter with "kornilovskoe" and the main ideological tribune of Soviet psychology. In this negative role of A.A. Talankin acted noisy, but not rigidly, and so he was replaced by other people. A.A. Talankin, in spite of his political activity, also became a victim of Stalinist repression.

The article involves some little-known and forgotten literary sources, archival materials.

Keywords: Soviet psychology, A.A. Talankin, military psychology, K.N. Kornilov, the ideological campaign, Deborin's school, political repression.

Korsakov, Sergei – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Humanity Expertises and Bioethics of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

snkorsakov@yandex.ru

Danilov, Sergey – Ph.D, Associate Professor of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow.

s.danilov.mail@gmail.com

Citation: KORSAKOV S.N., DANILOV S.I. (2017) From the History of Soviet Psychology 1920–1930s: A.A. Talankin. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 131-150.

REFERENCES

Ananyev B.G. (1930) On the Problem of the Foundation of Human Behavior. In: *Questions of Studying and Education of the Individual*. 1930. Vol. 1-2, pp. 12-18 (in Russian).

Ananyev B.G. (1931a) About Some Questions of Marxist-Leninist Reconstruction of Psychology. In: *Psychology*. 1931. Vol. 4. No 3-4, pp. 325-332 (in Russian).

Anson K. (1932) For Clarity in the Questions of Psychology. Book Review: Talankin A. Turn on the Psychological Front. Moscow 1931. 32 p. In: *For Marxist-Leninist Science*. 1932. Vol. 1, pp. 149-152 (in Russian).

Cherushev N., Cheryshev Yu.N. (2014) Shot the Elite of the Red Army. 1937–1941. Commander Brigades and Their Equals. Kuchkovo pole, Moscow (in Russian).

Dyachenko M.I., Kandybovich S.L., Karayani A.G. (2009) History of Domestic Military Psychology. Textbook. L.A. Kandybovich (ed.). Military University, Moscow, 2009 (in Russian).

Kornilov K.N. (1931) The Results of the Psychological Debate. In: *Psychology*. 1931. Vol. 1, pp. 44-75 (in Russian).

Lazarev S.E. (2013) Military Political Academy in 1930s. In: *Scientific Statements of Belgorod State University*. Series “History. Political science. Economy. Informatics”. 2013. Vol. 8 (151). Ed. 26, pp. 140-149 (in Russian).

Loginova N.A. (2016) *Boris Ananyev's Anthropological Psychology*. Institute of Psychology, Russian Academy of Science, Moscow (in Russian).

Medvedev Zh.A. Medvedev R.A. (2004) *From the Memories*. LitMir, Moscow (in Russian).

Medvedev R.A. (1990) *Political Portraits: Essays and Articles*. Stavropol Book Publ. (in Russian).

Rubtsov V.S. (1930) Book Review: Talankin A.A. Military Psychology and Issues of Military-political Education in the Red Army. State Publishing House, Moscow, 1929. 140 p. In: *Tribune Tolmachevza*. 1930. Vol. 1, pp. 43-45 (in Russian).

Talankin A.A. (1926) The Problem of “Military Psychology” in Our Military Literature. In: *Tolmachevez*. 1926. Vol. 1, pp. 115-125 (in Russian).

Talankin A.A. Military-political Education. In: *Red star*. 1928. 1 Feb. (in Russian).

Talankin A.A. (1929) Military Psychology and Issues of Military-political Education in the Red Army. State Publishing House, Moscow (in Russian).

Talankin A.A. (1931) “Marxist Psychology” of Professor Kornilov. In: *Psychology*. 1931. Vol. 1, pp. 24-43. (in Russian).

Talankin A.A. (1931) *Matter, and Motion*. Military-political Academy, Leningrad (in Russian).

Talankin A.A. (1931) *Turn to the Psychological Front*. Sotsekgiz, Moscow, Leningrad (in Russian).

Zagrebaeva V.N., Kozlov B.I., Savina G.A. (2009) *Communist Academy USSR Central Executive Committee (1918–1936)*. Vol. 2. Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).